

DOI 10.54596/2958-0048-2026-2-179-190

ӘОЖ 94.574.2

ҒТАМА 03.20.00

БАЙ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ: РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ 1920-Х ГОДОВ

Абуов Н.А.¹, Бейсембина А.Б.^{2*}

¹Филиал Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова в г. Петропавловске,
Петропавловск, Казахстан

^{2*}НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева»,
Петропавловск, Казахстан

*Автор для корреспонденции: www.beysembina88@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется социально-экономический портрет баев Северного Казахстана в конце 1920-х годов на основе архивных материалов Северо-Казахстанской области и новейших исторических исследований. Особое внимание уделено хозяйственной структуре байских хозяйств, их имущественной дифференциации и социальным функциям в традиционной аульной системе. На основе сводной таблицы по районам выявляются различные типы баев – от крупных скотовладельцев-магнатов до зажиточных хозяйств, включённых в категорию «бай» преимущественно по политическим мотивам. Показано, что байство представляло собой сложный социальный институт, соединяющий экономическое лидерство, родовое посредничество и административные полномочия. Научная новизна исследования заключается в реконструкции региональной специфики байства Северо-Казахстанской области и выявлении механизмов политической трансформации образа бая в «классового врага» в преддверии конфискационной кампании 1928–1930 гг. Сделан вывод, что политика ликвидации байства была направлена не только на изъятие имущества, но и на разрушение традиционной структуры аульного общества, что определило дальнейшую динамику коллективизации в регионе.

Ключевые слова: байство; социальная структура; Северный Казахстан; традиционный аул; конфискация; коллективизация; архивные материалы.

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БАЙ ИНСТИТУТЫ: 1920-ЖЫЛДАРДАҒЫ АРХИВ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕГІ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Абуов Н.А.¹, Бейсембина А.Б.^{2*}

¹Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының
Петропавл қаласындағы филиалы, Петропавл, Қазақстан

^{2*}«М. Қозыбаев атындағы Солтүстік Қазақстан университеті» КеАҚ,
Петропавл, Қазақстан

*Хат-хабар авторы: www.beysembina88@mail.ru

Аңдатпа

Мақалада Солтүстік Қазақстандағы байлардың 1920-жылдардың соңындағы әлеуметтік-экономикалық келбеті Солтүстік Қазақстан облысының архив материалдары мен қазіргі тарихи зерттеулер негізінде талданады. Ерекше назар бай шаруашылықтарының құрылымына, олардың мүлктік жіктелуіне және дәстүрлі ауыл жүйесіндегі әлеуметтік функцияларына аударылады. Аудандық деректерді біріктірген сводтық кесте негізінде байлардың бірнеше типі анықталды: мыңдаған жылқысы бар ірі мал иелерінен бастап, «бай» категориясына көбіне саяси себептермен енгізілген орташа және ұсақ шаруашылық иелеріне дейін. Зерттеу барысында бай институтының экономикалық жетекшілік, рулық делдалдық және әкімшілік өкілеттіктерді біріктірген күрделі әлеуметтік құрылым болғаны айқындалды. Жұмыстың ғылыми жаңалығы – Солтүстік Қазақстандағы байлықтың өңірлік ерекшеліктерін реконструкциялау және 1928–

1930 жылдардағы конфискация науқаны қарсаңында «бай» бейнесінің «тап жауы» ретінде саяси трансформациялану механизмдерін көрсету. Зерттеу қорытындысы бойынша, байларды жою саясаты тек мүлікті тәркілеуге ғана емес, дәстүрлі ауылдық әлеуметтік құрылымды күйретуге бағытталғаны анықталды. Бұл өз кезегінде өңірдегі коллективтендіру процесінің одан арғы драмалық динамикасын айқындады.

Кілт сөздер: бай институты; әлеуметтік құрылым; Солтүстік Қазақстан; дәстүрлі аул; конфискация; коллективтендіру; архив материалдары.

THE BAI AS A SOCIAL INSTITUTION IN NORTHERN KAZAKHSTAN: A RECONSTRUCTION BASED ON ARCHIVAL MATERIALS OF THE 1920S

N.A. Abuov¹, A.B. Beisembina^{2*}

¹*Branch of the Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov
in Petropavlovsk, Petropavlovsk, Kazakhstan*

^{2*}*Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavlovsk, Kazakhstan*

**Corresponding author: www.beisembina88@mail.ru*

Abstract

This article analyzes the socio-economic profile of the bai class in Northern Kazakhstan at the end of the 1920s, based on archival materials of the North Kazakhstan Region and recent historical scholarship. Special attention is given to the economic structure of bai households, their property stratification, and their social functions within the traditional aul system. A consolidated district-level dataset reveals several types of bai—ranging from large-scale livestock owners to mid-level and small proprietors who were classified as “bai” primarily for political reasons. The study demonstrates that the bai institution represented a complex social structure combining economic leadership, lineage-based mediation, and administrative authority. The novelty of this research lies in reconstructing the regional specifics of the bai institution in Northern Kazakhstan and identifying the mechanisms behind the political transformation of the bai image into that of a “class enemy” on the eve of the confiscation campaign of 1928–1930. The article concludes that the policy of eliminating the bai class was aimed not only at seizing property but also at dismantling the traditional social structure of the aul, which shaped the subsequent trajectory of collectivization in the region.

Keywords: bai institution; social structure; Northern Kazakhstan; traditional aul; confiscation; collectivization; archival materials.

Введение

Проблема трансформации традиционных социальных институтов казахского общества в период советской модернизации остаётся одной из ключевых тем отечественной историографии. Особое место в этом контексте занимает изучение байства – социального слоя, который на протяжении XIX – начала XX века выполнял функции экономического лидера, родового посредника и хранителя устойчивости кочевого и полукочевого хозяйства. Несмотря на значительный интерес исследователей, региональные особенности байства Северного Казахстана до сих пор остаются недостаточно раскрытыми, что объясняется как спецификой источниковой базы, так и сложностью хозяйственной структуры северных аулов.

Конец 1920-х годов стал переломным этапом в истории региона. Именно в этот период советская власть приступила к реализации политики «Малого Октября», предполагающей радикальное изменение социальной структуры аульного общества и ликвидацию традиционной элиты. Принятое 27 августа 1928 года постановление о конфискации «крупных байских и полупфеодальных хозяйств» стало отправной точкой

масштабных репрессивных мер, последствия которых оказались особенно драматичными для северных районов, где байство сохраняло значительное экономическое и политическое влияние.

В то же время архивные материалы Северо-Казахстанской области и сопоставление данных по районам показывают, что социально-экономический портрет баев был значительно сложнее, чем представляла советская пропаганда. Среди них действительно встречались богатейшие скотовладельцы, владеющие сотнями и тысячами голов скота, однако значительную часть составляли средние хозяйства, включённые в категорию «бай» преимущественно по политическим, административным или родовым причинам. Это обстоятельство требует более тонкого анализа, учитывающего региональную специфику и реальные параметры хозяйств, их роль в системе аульных отношений и взаимодействие с советскими органами власти.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современная историография нуждается в реконструкции реальной социально-экономической структуры аулов Северного Казахстана накануне коллективизации. Во-вторых, выявление особенностей формирования образа бая как «классового врага» позволяет по-новому оценить механизмы проведения конфискационной кампании 1928–1930 гг. Наконец, введение в научный оборот сводных таблиц по районам и архивных данных способствует уточнению масштаба репрессий в отношении традиционной элиты региона.

Цель статьи – реконструировать социально-экономический портрет баев Северного Казахстана конца 1920-х годов, выявить их хозяйственные типы и социальные функции, а также определить причины, по которым именно этот слой стал объектом первоочередного репрессивного давления советской власти.

Для достижения цели используются документальные материалы из Северо-Казахстанского государственного архива: это материалы аульных советов, протоколы конфискационных комиссий, а также современные исторические исследования, посвящённые традиционной социальной структуре и политике коллективизации.

Материалы и методы исследования

Корпус источников по истории коллективизации, политических репрессий, голода в Казахстане и их последствий значительно расширился после их рассекречивания, в следствии обретения страной независимости, когда исследование этих тем было освобождено от идеологических ограничений советского периода. Существенный вклад в введение в научный оборот документов, освещающих трагедию казахского крестьянства и голода, внес известный историк Т. Омарбеков.

Важным этапом стало издание в 2021 году трехтомного сборника документов «Ашаршылық. Голод. Документальная хроника. 1928–1934 гг.», подготовленного Архивом Президента Республики Казахстан (АП РК), Центральным государственным архивом РК (ЦГА РК) и сетью областных архивов. В данных томах представлен широкий комплекс источников, отражающих как общую динамику коллективизации и голода, так и региональные особенности происходивших процессов.

Значительную роль в изучении репрессий, хлебо- и мясозаготовительных кампаний, раскулачивания и коллективизации играют материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20–50-е годы), опубликованные в 2022 и 2023 годах. В Северо-Казахстанской области региональной комиссией были подготовлены тома №32 и №67, содержащие важнейшие документы по области.

Северо-Казахстанский государственный архив также стал участником совместного казахстанско-российского проекта, результатом которого стало издание в 2024 году двухтомного сборника «Голод в России и Казахстане. 1927–1934», где в первом томе рассматриваются истоки и начало общей трагедии, а во втором – её кульминация и пути выхода из кризиса.

При подготовке данной статьи использованы документы фондов Северо-Казахстанского государственного архива (СКГА, ГАКО). Источники, отражающие коллективизацию, репрессивную политику в отношении сельского населения, откочёвки и голод, сосредоточены в ряде ключевых фондов: №1189 (Северо-Казахстанский областной Совет народных депутатов), №22 (областной комитет Коммунистической партии Казахстана), №5 (Петропавловский окружной комитет ВКП(б)), №7 (Петропавловский городской комитет КПК), №70 (Петропавловское окружное земельное управление Наркомзема КазАССР).

Документы этих фондов представлены разнообразными видами источников: докладными записками, протоколами, постановлениями, перепиской, отчётами и актами обследований. В них содержатся сведения о привлечении кулацко-байских хозяйств к трудовым повинностям (лесозаготовки, рыболовные работы, прочие виды трудовой эксплуатации). Особое место занимают материалы, фиксирующие масштабы голода: резкое сокращение поголовья скота, массовый исход населения и высокая смертность.

Методологическую основу исследования составили принцип историзма и общенаучные методы анализа и синтеза. Также применялись хронологический, проблемно-хронологический, ретроспективный, сравнительно-исторический методы, а также методы актуализации и обобщения материала. Их использование позволило проследить политику центральных органов власти и деятельность местных структур по реализации коллективизации, а также определить её последствия для населения региона.

Обсуждение

Полученные в ходе исследования результаты позволяют рассматривать байство Северного Казахстана не как узко экономическую категорию, а как сложный социальный институт, разрушение которого стало ключевым элементом политики коллективизации. Подобный подход находит подтверждение в ряде фундаментальных историографических работ, начиная с конца 1980-х годов, когда в казахстанской науке был поставлен вопрос о глубинных социальных последствиях конфискации и раскулачивания. В коллективной работе Ж.Б. Абылхожина, М.К. Козыбаева и М.Б. Татимова коллективизация рассматривается как трагедия крестьянства, затронувшая не только экономику, но и традиционные формы социальной самоорганизации казахского общества [1].

Эта линия была развита в статье «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства», где авторы впервые показали целенаправленный характер слома традиционной социальной структуры аула через ликвидацию экономически и социально активных слоёв населения [2]. Материалы, использованные в работе, подтверждают данный тезис: под ударом оказались не только крупные скотовладельцы, но и представители среднего байства и аульного лидерства, чьё влияние воспринималось советской властью как потенциальная угроза.

Особое значение для обсуждения имеет проблема так называемых «перегибов». В статье Ж.С. Саурыковой показано, что злоупотребления и расширительное толкование категории «кулак/бай» не были случайными ошибками исполнителей, а вытекали из самой логики политики ликвидации социально активных слоёв [3]. Северо-

Казахстанский материал подтверждает этот вывод: включение в конфискационные списки определялось не столько размером хозяйства, сколько социальным авторитетом и политической характеристикой владельца [4, л. 60].

В этом контексте важен зарубежный историографический подход. Р. Киндлер рассматривает традиционные элиты степных регионов как альтернативные центры власти, вступившие в конфликт с советским проектом социальной инженерии [5]. Подобная интерпретация полностью соотносится с данными по Северному Казахстану, где репрессии были направлены прежде всего против бывших волостных управителей, биев, родовых лидеров. Сходную позицию по Республике занимает С. Камерон, указывая на сознательную размытость правовых норм конфискации, позволявшую применять репрессивные меры максимально гибко [6].

Исследования И. Огайона дополняют эту картину, демонстрируя, что практики насилия и административного принуждения на местах становились нормой при проведении коллективизации, а понятие «социальной опасности» подменяло собой экономические и правовые критерии [7]. В североказахстанских документах подобная подмена прослеживается особенно отчётливо.

Существенный вклад в обсуждение вносят работы, посвящённые откочёвкам и вынужденным миграциям. Б.К. Альжаппарова убедительно показывает, что откочёвки конца 1920-х – начала 1930-х годов являлись формой бегства от голода и репрессий, а не проявлением традиционной мобильности [8]. Аналогичный вывод содержится в статье С.Н. Мамытовой, где подчёркивается, что вынужденная «укочёвка», «откочевка» была следствием разрушения хозяйственной базы и системы социальной поддержки [9]. Эти положения непосредственно соотносятся с процессами, зафиксированными в Северном Казахстане.

Расширение обсуждения на межрегиональный уровень позволяет использовать выводы М.М. Козыбаевой о миграционных процессах в Западной Сибири, куда направлялись потоки казахского населения из северных районов Казахстана [10]. Это подтверждает, что последствия ликвидации байства выходили далеко за пределы одного региона и носили общеказахстанский характер.

Современная интерпретация проблемы представлена в материалах Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, опубликованных в журнале «Ұлт жады», где байы и кулаки рассматриваются как одна из ключевых категорий пострадавших и подлежащих реабилитации [11]. Данный подход совпадает с аргументацией настоящей статьи и подтверждает актуальность регионального анализа.

Наконец, обобщающая работа С.С. Исмаилова, У.Т. Ахметовой и Д.С. Бекова подчёркивает, что репрессивная политика в отношении сельского населения в 1920–1930-е годы носила системный и антиправовой характер, а ликвидация социально активных слоёв была осознанной стратегией советского государства [12]. Материалы Северного Казахстана в полной мере подтверждают этот вывод.

Анализ архивных материалов Северо-Казахстанской области и сводной таблицы по байским хозяйствам показывает, что социально-экономическая структура байства региона в конце 1920-х годов была значительно более сложной, чем это отражалось в советской идеологической интерпретации [13, с.205]. Как отмечал Н. Масанов, бай в традиционном обществе выступал не только владельцем крупных стад, но и носителем хозяйственного опыта и родовой власти [14, с.84-87]. Аналогичные выводы содержатся в работах С.А. Жакишевой, подчёркивавшей социально-лидерскую природу байства [15,

с.52-55]. Сравнение этих научных подходов с региональными архивными данными позволяет глубже понять механизм трансформации категории «бай» в политическое понятие «классовый враг».

Одним из ключевых вопросов дискуссии является отсутствие единых имущественных критериев для определения статуса бая в период конфискационной кампании 1928–1930 гг. Сводная таблица по районам Северо-Казахстанской области демонстрирует, что в категорию «бай» попадали как крупнейшие скотовладельцы – например, Абдурахимов Садвакас (3000 лошадей), Джанталин Салим (500 лошадей) или Хасенов Джолдасхожа (820 лошадей) – так и средние хозяйства с гораздо меньшим поголовьем (40–70 голов) [16, с.112-118]. Это подтверждает, что в практике местных органов власти решающим фактором становились не хозяйственные показатели, а политическая характеристика владельца.

Архивные фонды СКГА содержат многочисленные документы, в которых подчеркивается неимущественный характер обвинений против баев. Например, в фондах Ф.1648 и Ф.195 встречаются случаи, когда в списки включались бывшие волостные управители, бии, аульные старшины, а также лица, обвинённые в «антисоветской агитации» и «вредительстве», независимо от размеров их хозяйства [17, л.470]. Подобные решения подтверждают выводы С. Камерон о политической конструкции образа «классового врага» [6, с.63-67].

В Тонкерейском и Айыртауском районах репрессивность списков была особенно высока: здесь значительная часть баев обвинялась в участии в восстании 1921 года, связях с алашординцами, отказе выполнять планы хлебо- и мясозаготовок. Примером служат Кушкенов Жакуп, Даркебаев Есенали, Алибеков Жанадья, Саликов Калимурза – все они фигурируют как «опасные элементы», хотя размеры их хозяйств не всегда были крупными (Таблица баев СКО, Тонкерейский, Айыртауский районы).

Такая практика подтверждает наблюдения Н. Пианчолы о том, что политика конфискации в Казахстане выступала инструментом разрушения традиционных структур власти [18, с. 78–82].

Важным аспектом дискуссии является выявленная региональная специфика. В Кзыл-Тууском районе наблюдается высокая концентрация действительно крупных хозяйств, представляющих родовую элиту региона [19]. В Кокчетавском районе более заметна модернизация хозяйств с использованием техники, наемных работников и развитой инфраструктуры. В Булаевском районе преобладали средние байы, включение которых в списки объяснялось их общественным влиянием или конфликтами с активистами. В Бейнеткорском и Энбекшильдерском районах роль родовой структуры была особенно сильна, и многие представители байства включались в списки по «социальной опасности», что отражено в документах Ф.5 (Петропавловский окружном ВКП(б)) и Ф.70 (окружное земельное управление НКЗ) [20].

Таким образом, интерпретация данных позволяет утверждать, что байство Северного Казахстана представляло собой не однородную социальную группу, а многоуровневую структуру, в которой экономическая мощь сочеталась с родовой, административной и политической функциями. Разрушение этой структуры в ходе конфискаций было направлено не только на перераспределение материальных ресурсов, но и на демонтаж традиционной системы аульного лидерства. Итоги анализа согласуются с выводом о том, что коллективизация в регионе была не столько экономической реформой, сколько механизмом глубокого социального перелома, затронувшего все уровни сельского общества.

Результаты

Проведённый анализ архивных фондов Северо-Казахстанского государственного архива, а также сводной таблицы по байским хозяйствам районов области позволил уточнить социально-экономический статус байства региона конца 1920-х годов и определить его институциональные характеристики. Установлено, что байство Северного Казахстана представляло собой устойчивую и многоуровневую социальную структуру, сочетающую экономические, родовые и административные функции. Баи выступали не только крупными владельцами скота, но и организаторами хозяйственного цикла, посредниками в родовых конфликтах, а также фактическими координаторами аульного управления. Тем самым подтверждается институциональная природа байства, выходящая за рамки исключительно имущественного критерия. В условиях Северного Казахстана эта неоднородность проявлялась особенно ярко: материалы СКГА отражают значительные различия между районами, где встречались как хозяйства, насчитывающие сотни и тысячи голов скота, так и более скромные, но сохранявшие родовую значимость. Таким образом, имущественный критерий определял статус бая, но не исчерпывал его.

Экономическая сторона байского статуса была основана прежде всего на владении крупными стадами. По материалам СКГА, крупнейшие хозяйства в Кокчетавском, Тонкерейском и Кзыл-Туузском районах включали от 300 до 3000 лошадей, десятки голов крупного рогатого скота и сотни овец. В этих же хозяйствах отмечается наличие наёмных батраков – от двух до десяти человек, сенокосильных машин, бричек, телег, зимних построек и больших юрт. Эти данные коррелируют с выводами Маликовой С.З. и Абуова Н.А., которые показывают, что баи нередко являлись центрами организации труда и сезонных работ, а также кредиторами бедняков в условиях многоукладной экономики СКО [21].

Анализ районных материалов выявил выраженную имущественную и социальную дифференциацию внутри данной категории. В составе байства сосуществовали крупные хозяйства с значительным поголовьем скота, средние зажиточные хозяйства и группы, формально отнесённые к категории «бай» при сравнительно умеренных экономических показателях. Сопоставление данных по различным районам показало отсутствие единых имущественных критериев при формировании конфискационных списков, что свидетельствует о вариативности и неоднозначности практики отнесения хозяйств к байским.

В ряде районов, прежде всего Кзыл-Туузском и Кокчетавском, существовали по-настоящему крупные хозяйства, насчитывающие сотни и тысячи голов скота. Такие фигуры, как Абдурахимов Садвакас (3000 лошадей), Джанталлин Салим (500 лошадей), Хасенов Джолдасхожа (820 лошадей), представляли собой традиционную родовую элиту и обладали значительным социальным влиянием [13, с.202-221].

В то же время в Бейнеткорском, Булаевском и Энбекшильдерском районах преобладали средние и мелкие хозяйства, владельцы которых тем не менее попадали в категорию «бай» по причинам, плохо связанным с реальными экономическими показателями их благосостояния.

Архивные документы позволяют сделать вывод о том, что в ходе конфискационной кампании 1928–1930 гг. решающим фактором включения в категорию «бай» нередко становилась политическая характеристика владельца, а не фактический масштаб хозяйства. Использование в документах формулировок, связанных с «антисоветской деятельностью», «бывшим административным положением» или «вредительством»,

отражает процесс политизации социального статуса. Это свидетельствует о трансформации понятия «бай» из социально-экономической категории в инструмент идеологической классификации.

Так, например, Джумабаев (Жумабаев) Бекен отец поэта Магжана Жумабаева был прогрессивным человеком своего времени, которого уважали в округе, он имел зажиточное хозяйство. Когда в Бейнеткорском районе, аул №6. было организовано собрание комсомольцев в протоколе отмечено, что Жумабаев Бекен «при царизме был влиятельным волостным управителем. Отец поэта-националиста Джумабаева М.». Согласно Протоколу, его рекомендовали раскулачить из-за того, что он использовал труд батраков. В другом источнике указано «Джумабаева Бекена - бывшего волуправителя ввиду того, что на этих лиц Окротдел не располагает агентурными материалами о количестве скота, он введен в список выселяемых по 2-ой категории, как политически, социально-вредный элемент по настоянию казакской части Окружка и тов. ЮСУПБЕКОВА.

Многие хозяйства с относительно небольшим поголовьем (40–70 голов) включались в списки на основании политической характеристики их владельцев – например, участия в восстании 1921 года, связей с алашординцами, отказа выполнять хлебо- и мясозаготовительные планы, а также распространения «антисоветской агитации». Подобные случаи фиксируются в материалах Тонкерейского и Айыртауского районов, где такие фигуры, как Кушкенов Жакуп, Даркебаев Есенали или Алибеков Жанадыя, классифицировались как «опасные элементы» независимо от масштаба хозяйства [13, с.215].

Таким образом, статус бая в конце 1920-х годов становился преимущественно политической категорией. Это позволило власти легитимировать конфискации, выселения и лишение прав, но одновременно разрушило устойчивые формы хозяйствования и социальные механизмы аула. Именно эта подмена понятий и административное упрощение социальной реальности стали одной из ключевых предпосылок насильственной коллективизации и последовавшей за ней социальной катастрофы.

Рост контингента репрессированных баев и кулаков в Северном Казахстане в дальнейшем привел к формированию на территории области лагерей. Так, Выписка из протокола №29 заседания Президиума Булаевского райисполкома Казахской ССР, утверждает следующее Постановление: «Местом выселения кулаков утвердить село Александровку», Александровский сельский Совет с 10 августа 1931 года считать ликвидированным» [22].

Ещё одним пунктом высылки стал лагерь, созданный в 1929 году близ колхоза Жаркын (ныне село Жаркын Тимирязевского района Северо-Казахстанской области). По сведениям местного краеведа Дастена Баймуканова, сотрудника центра «Асыл мұра» Северо-Казахстанского областного музейного объединения, в 1991 году старожилы села рассказали ему о существовании спецлагеря «Байкала», предназначенного для баев Тонкерейского района и членов их семей. Долгое время сведения о нём не разглашались, поскольку тема считалась запретной.

Позднее исследователю удалось побеседовать с Жагыпаром Байкуанышевым – сыном человека, которого советская власть отнесла к числу крупных баев. По воспоминаниям информатора, условия содержания были крайне тяжёлыми: заключённых практически не кормили, детям разрешалось выходить в соседние аулы в поисках пищи. Существовало негласное указание, чтобы до этапирования выжило как

можно меньше людей. Накануне зимы родственники пригнали скот, однако по распоряжению коменданта лошадей расстреляли. Ночью взрослые заключённые тайком пробирались к месту, где лежали туши, и срезали мясо, чтобы прокормиться. Зимой умерших зачастую не удавалось хоронить по обычаю: промёрзшая земля и физическое истощение не позволяли копать глубокие могилы [21].

В годы репрессий у колхоза Жаркын функционировал временный лагерь для семей конфискованных баев. На его территории были возведены три протяжённые казармы, сторожевой дом и мастерская; весь периметр был обнесён колючей проволокой. Жители села оказывали заключённым посильную помощь, принося продукты. По имеющимся данным, значительная часть зажиточных хозяйств впоследствии была направлена по распоряжению вышестоящих органов в Кокарал.

Региональный анализ позволил установить выраженные территориальные различия в структуре байства. В Кызыл-Тузском районе выявлена высокая концентрация родовой элиты с крупными стадами, что обусловило особую жёсткость конфискационной политики. В Кокчетавском районе значительную роль играли хозяйства модернизированного типа – с сенокосной техникой, наемными батраками и развитой хозяйственной инфраструктурой. В Булаевском районе наблюдается наиболее массовое включение в списки представителей среднего байства. В Бейнеткорском и Энбекшильдерском районах ключевую роль играл родовой авторитет, и социальная опасность трактовалась шире имущественного фактора.

В целом результаты исследования подтверждают, что ликвидация байства в Северном Казахстане являлась не столько экономической мерой, сколько инструментом разрушения традиционной аульной структуры. Баи выполняли функции организаторов хозяйственной жизни, гарантов соблюдения норм адата, посредников в конфликтах и руководителей перекочёвок [19]. Устранение этого слоя привело к дезорганизации аульного управления и создало предпосылки для последующих социальных потрясений периода коллективизации и голода. Таким образом, анализ показывает, что конфискационная кампания конца 1920-х годов представляла собой механизм целенаправленного демонтажа традиционной социальной системы региона.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что байство Северного Казахстана конца 1920-х годов представляло собой сложный и многокомпонентный социальный институт, глубоко встроенный в традиционную структуру аульного общества. Анализ архивных материалов и региональных данных показал, что баи выполняли не только экономические функции скотовладельцев, но также выступали организаторами хозяйственных циклов, распорядителями пастбищ, посредниками в родовых конфликтах и хранителями норм адата. Этот комплексный характер их деятельности подтверждается трудами Н. Масанова, С.А. Жакишевой и других исследователей, а также документальными источниками областных фондов.

Одним из ключевых итогов исследования является выявленная неоднородность байства. В Северном Казахстане существовали крупные хозяйства-магнаты, средние баи и мелкие зажиточные, которые тем не менее попадали в категорию «бай» по социальным и политическим признакам [23]. Региональный анализ выявил, что имущественный критерий играл второстепенную роль при отнесении к байскому слою. В ряде районов, таких как Тонкерейский, Айыртауский, Булаевский, решающее значение имела политическая характеристика владельцев – участие в восстаниях, родовой авторитет, связи с алашординцами или сопротивление заготовительным кампаниям.

Таким образом, процессы раскулачивания и конфискации 1928–1930 годов в Северном Казахстане носили в первую очередь политический характер. Советская власть стремилась не только изъять материальные ресурсы, но и разрушить структуру традиционного аульного лидерства, ликвидировать автономные центры влияния и заменить их новой системой административного управления. Конфискация и высылка баев стали инструментом социальной инженерии, направленной на демонтаж родовых институтов и трансформацию всей социальной ткани региона.

Данные исследования подтверждают, что уничтожение байского слоя привело к глубоким деструктивным последствиям: ослаблению механизмов аульной самоорганизации, разрыву традиционных связей взаимопомощи, снижению хозяйственной устойчивости и росту социальной напряженности. Всё это стало одним из факторов, усугубивших кризис начала 1930-х годов, включая массовые откочёвки, падеж скота и голод.

Статья вносит вклад в реконструкцию региональной истории коллективизации в Северном Казахстане, показывая, что ликвидация байства была центральным звеном в политике советской модернизации и имела решающее значение для дальнейшей судьбы сельского населения региона. Полученные результаты создают основу для дальнейших исследований по локальным практикам раскулачивания, механизмам сопротивления и трансформации социальных структур в условиях давления со стороны государства.

Литература:

1. Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. - №7. - с.53–71
2. Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства / М.К. Козыбаев, Ж.Б. Абылхожин, К.С. Алдажуманов. – Алматы: [б. и.], 1992. - 35 с.
3. Саурыкова Ж.С. Перегибы и искривления в процессе коллективизации и раскулачивания в Казахстане // Электронный научный журнал Edu.e-history.kz - 2019. - №4(20). – с.309-317.
4. СКГА Ф. 5. Оп 1. Д. 156. Л. 60.
5. Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане / Роберт Киндлер: [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной]. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. - 382 с.
6. Kameron, 2015 – Kameron Sara, 2015 Golod v Kazahstane v 1930-33-e gg.: sovremennye issledovaniya i novye napravleniya v izuchenii voprosa [Famine in Kazakhstan in 1930-33: modern research and new directions in the study of the issue] URL: <https://www.caa-network.org/archives/6126> [in Russ]
7. Огайон И. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 гг.). Избранное из книги. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21522/sedentarizaciya-kazahov-sssr-pri-staline-kollektivizaciya-i-soczialnye-izmeneniya-1928-1945-gg-izbrannoe-iz-knigi>
8. Альжаппарова Б.К. Из истории откочёвок в Центральном Казахстане (конец 1920-х -начало 1930-х гг. // Электронный научный журнал Edu.e-history.kz – 2019. - №3(19). – с.14-23.
9. Мамытова С.Н. «Откочевничество» или вынужденная миграция казахов Прииртышья в 30-е годы XX века: память потомков (на материалах экспедиции «По местам исторической памяти Павлодарского Прииртышья, связанным с голодом в 30-е годы XX века», 2021 год) // «Қазақстандағы ХХ ғасырдың 30-шы жж. басындағы ашаршылық және қазақтардың көршілес аумақтарға мәжбүрлі көші-қоны: зерттеу мәселелері» = «Голод начала 30-х гг. XX века в Казахстане и вынужденные миграции казахов на сопредельные территории: проблемы исследования»: респ.-тәжірб. конф. мат-ры. / Құраст. Құдайбергенова А.И., Қозыбаева М.М., Байдалы Р. – Алматы: Литера-М, 2021. – 296 б. (86-93).
10. Козыбаева М.М. Казахские откочевники на территории Западной Сибири в период голода начала 30-х гг. XX в. // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». – 2020 – №4(24).
11. Кабульдинов З.Е. Политические преследования баев и других категории аульного населения в конце 20-х годов XX века. // Ұлт Жады республикалық ғылыми журналы. - №2(2). – 2022. - с.53-71.

12. Исмаилов С.С., Ахметова У.Т., Беков Д.С. Репрессивная политика Советского государства в отношении сельского населения в 1920-1930-е годы // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». – 2022 – №4(32). – с.73-83.
13. Қызылжардың шерлі тарихы. 1 том. Жауапты редактор С.З. Маликова. / Құрастырушылар: С. Маликова, В. Приказчиков, Н. Рамазанова. – Петропавл, 2021. – 236 б.
14. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. - Алматы «Социнвест» – Москва «Горизонт», 1995. – 320 с.
15. Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20-50 жылдары) = Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 31. Конфискация байских хозяйств в Казахстане на рубеже 20–30-х гг. XX в. Монография. Автор: Жакишева С.А. / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. – 176 с.
16. Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. Т. 32. Северо-Казахстанская область. – Астана, 2022.
17. СКГА Ф. 1189. Оп. 1 Д. 3.Л. 7.
18. Пианчола Н. Иерархия потребления и аграрная политика в казахской степи. – 2019. –116 с.
19. Ашаршылық. Голод. Документальная хроника. 1928–1934 гг.: в 3 т. – Алматы, АП РК, ЦГА РК, 2021.
20. СКГА Ф.70. Оп.2 Д.3. Л. 9.
21. Абуов Н.А., Маликова С.З., Бекмурзина А.Н. Коллективизация в Северном Казахстане: история голода и трагедий семей. «Вестник Северо-Казахстанского университета имени Манаша Козыбаева». 2024;(4 (64)):118-128. <https://doi.org/10.54596/2958-0048-2024-4-118-128>
22. СКГА Ф.3. Оп.1. Д.48. Л.49-50
23. Материалы, 2023 — Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 67. Халық жады. Северо-Казахстанская область. Сборник воспоминаний и интервью жертв политических репрессий и пострадавших, очевидцев событий и их потомков. / Составители: С.З. Маликова, А.Г. Ибраева, Л.А. Гривенная, Н.А. Абуов, З.К. Картова, Б.Р. Шериязданов, А.Н. Садаев, А.К. Куантаев / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2023. - Т.67 – 500 с.

References:

1. Abylkhozhin Zh.B., Kozybaev M.K., Tatimov M.B. Kazakhstanskaya tragediya // Voprosy istorii. – 1989. – No. 7. – Pp. 53–71.
2. Kozybaev M.K., Abylkhozhin Zh.B., Aldazhumanov K.S. Kollektivizatsiya v Kazahstane: tragediya krest'yanstva. – Almaty, 1992. – 35 p.
3. Saurykova Zh.S. Peregiby i iskrivleniya v processe kollektivizatsii i raskulachivaniya v Kazahstane // Edu.e-history.kz. – 2019. – No. 4 (20). – Pp. 309–317
4. North Kazakhstan State Archive (SKGA). Fund 5, Inventory 1, File 156, Sheet 60.
5. Kindler R. Stalinskie kochevniki: vlast' i golod v Kazahstane / transl. from German by L.Yu. Pantina. – Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2017. – 382 p.
6. Cameron S. Golod v Kazahstane v 1930–33 gg.: sovremennye issledovaniya i novye napravleniya v izuchenii voprosa. – 2015. URL: <https://www.caa-network.org/archives/6126>
7. Ohayon I. Sedentarizatsiya kazakhov SSSR pri Staline. Kollektivizatsiya i social'nye izmeneniya (1928–1945 gg.). Excerpts from the book. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21522/>
8. Alzhapparova B.K. Iz istorii otkochevok v Central'nom Kazahstane (konec 1920-kh – nachalo 1930-kh gg.) // Edu.e-history.kz. – 2019. – No. 3 (19). – Pp. 14–23.
9. Mamytova S.N. “Otkochevnichestvo” ili vynuždennaya migratsiya kazakhov Priirtysh'ya v 30-e gody XX veka: pamyat' potomkov // Golod nachala 30-kh gg. XX veka v Kazahstane i vynuždennye migratsii kazakhov na sopredel'nye territorii: problemy issledovaniya: Proceedings of the republican conference. – Almaty: Litera-M, 2021. – Pp. 86–93.
10. Kozybaeva M.M. Kazahskie otkochevniki na territorii Zapadnoi Sibiri v period goloda nachala 30-kh gg. XX v. // Edu.e-history.kz. – 2020. – No. 4 (24).
11. Kabul'dinov Z.E. Politicheskie presledovaniya baev i drugikh kategorii aul'nogo naseleniya v kontse 20-kh godov XX veka // Ult Zhady. – 2022. – No. 2 (2). – Pp. 53–71.

12. Ismailov S.S., Akhmetova U.T., Bekov D.S. Repressivnaya politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii sel'skogo naseleniya v 1920–1930-e gody // Edu.e-history.kz. – 2022. – No. 4 (32). – Pp. 73–83.
13. Kyzylzhardyn sherli tarikhy. Vol. 1 / Ed. by S.Z. Malikova; Comp. by S. Malikova, V. Prikazchikov, N. Ramazanova. – Petropavl, 2021. – 236 p.
14. Masanov N.E. Kochevaya civilizaciya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva. – Almaty: Socinvest; Moscow: Gorizont, 1995. – 320 p.
15. Zhakisheva S.A. Konfiskaciya baevskikh khozyaistv v Kazakhstane na rubezhe 20–30-kh gg. XX v. // Materialy Gosudarstvennoi komissii po polnoi rehabilitatsii zhertv politicheskikh repressii (20–50 gody XX veka). Vol. 31. – Astana, 2022. – 176 p.
16. Materialy Gosudarstvennoi komissii po polnoi rehabilitatsii zhertv politicheskikh repressii. Vol. 32. Severo-Kazakhstanskaya oblast'. – Astana, 2022.
17. North Kazakhstan State Archive (SKGA). Fund 1189, Inventory 1, File 3, Sheet 7.
18. Pianciola N. Ierarkhiya potrebleniya i agrarnaya politika v kazakhskoi stepi. – 2019. – 116 p.
19. Asharshylyk. Golod. Dokumental'naya khronika. 1928–1934 gg.: In 3 vols. – Almaty: Archive of the President of the Republic of Kazakhstan; Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, 2021.
20. North Kazakhstan State Archive (SKGA). Fund 70, Inventory 2, File 3, Sheet 9.
21. Abuov N.A., Malikova S.Z., Bekmurzina A.N. Collectivization in Northern Kazakhstan: the story of famine and family tragedies. Bulletin of Manash Kozybayev North Kazakhstan University. 2024;(4 (64)):118-128. (In Kazakh) <https://doi.org/10.54596/2958-0048-2024-4-118-128>
22. North Kazakhstan State Archive (SKGA). Fund 3, Inventory 1, File 48, Sheet 49-50.
23. Materialy Gosudarstvennoi komissii po polnoi rehabilitatsii zhertv politicheskikh repressii (20–50 gody XX veka). Vol. 67. Khalyk zhady. Severo-Kazakhstanskaya oblast'. Sbornik vospominanii i interv'yuu zhertv politicheskikh repressii i ikh potomkov / Ed. by E.T. Karin. – Astana, 2023. – 500 p.

Information about the authors

N.A. Abuov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Branch of the Institute of History and Ethnology named after Ch. Valikhanov in Petropavlovsk, Petropavlovsk, Kazakhstan; e-mail: abuovnur@mail.ru;

A.B. Beissembina – corresponding author, Master's student, Manash Kozybayev North Kazakhstan University NPLC, Petropavl, Kazakhstan; e-mail: www.beysembina88@mail.ru;